

Этнология, антропология и этнография

УДК 39(571.15)

DOI 10.37386/2413-4481-2023-1-89-95

Елена Александровна Коляскина

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия, istorik8881@mail.ru

ПРАКТИКИ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ НА АЛТАЙ ПОД РУКОВОДСТВОМ Л.М. РУСАКОВОЙ¹

Аннотация. Русские Алтая стали объектом систематического изучения сибирскими этнографами с 1977 г., когда был образован и совершил первую экспедицию Алтайский этнографический отряд Института истории, филологии и филологии Сибирского отделения Академии наук СССР. На протяжении 8 лет под руководством Л.М. Русаковой участники отряда собирали этнографические коллекции для Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИИФиФ СО РАН. В статье реконструируются состав отряда, территория исследования, процесс подготовки и организации экспедиций, особенности коммуникации в полевых условиях, основные задачи, методы сбора и фиксации этнографического материала, индивидуальный стиль собирателя. Основными источниками стали полевые дневники и воспоминания участников отряда.

Ключевые слова: Алтай; этнография; экспедиции; русские; Л.М. Русакова; Е.Ф. Фурсова; Л.В. Любимова; ИИФиФ СО АН СССР.

Yelena A. Kolyaskina

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia, istorik8881@mail.ru

THE PRACTICES OF ORGANIZING AND CONDUCTING ETHNOGRAPHIC EXPEDITIONS TO THE ALTAI UNDER THE LEADERSHIP OF L.M. RUSAKOVA

Abstract. Altai Russians have been the object of systematic study by Siberian ethnographers since 1977, the year that saw the establishment and first expedition of the Altai Ethnographic Team of the Institute of History, Philosophy and Philology of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. For 8 years, under the leadership of L.M. Rusakova, the team put together ethnographic collections for the Museum of History and Culture of the Peoples of Siberia and the Far East of the IHPP SB RAS. The article reconstructs the personnel of the team, the research area, the process of expedition preparation and organization, the peculiarities of field communication, the main objectives, collecting and recording ethnographic material methods, the collector individual style. The primary sources include field diaries and the team member interviews.

Keywords: Altai; ethnography; expeditions; Russians; L.M. Rusakova; E.F. Fursova; L.V. Lyubimova; Institute of History; Philosophy and Philology of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences.

Для науки актуально переосмысление и обобщение опыта, накопленного предыдущими поколениями ученых, это позволяет определить имеющийся задел, отдать дань уважения корифеям, обозначить первооткрывателей и приблизиться к исследовательской повседневности. Для этого важное значение имеют свидетельства этнографической «кухни» – полевые дневники экспедиций и воспоминания их участников.

В научной литературе уделено внимание истории развития этнографических исследований в Западной Сибири в XX в., включая Новосибирский центр этнографии [1, с. 158–195; 2–4], и вкладу отдельных исследователей в его развитие [5–7]. Что касается изучения деятельности Алтайского этнографического отряда (далее – АЭО) Северо-Азиатской комплексной экспедиции Института истории, филологии и философии Сибирского

отделения Академии наук СССР (далее – ИИФиФ СО АН СССР), то опубликованы лишь статьи об этнографических коллекциях, собранных отрядом для Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока (далее – МИКНСДВ) [8–9]. Таким образом, на сегодняшний день остается еще большое поле для изучения практик организации и проведения экспедиций АЭО, особенно с позиций антропологии академической жизни, для которой важно: кто, как и почему выбирает тему, собирает материал, коммуницирует с информантами, организует научную повседневность. В данной статье реконструируются состав АЭО, его основные задачи, территория исследования, процесс подготовки и организации экспедиций, особенности коммуникации в полевых условиях, методы сбора и фиксации этнографического материала, индивидуальные особенности

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках научного проекта № 19-49-220009 «Устная история и этнография в полевых исследованиях второй половины XX – начала XXI века как источник и метод изучения и сохранения историко-культурного наследия сельских территорий Алтайского края».

собиранья. Работа основана на анализе полевых дневников и воспоминаний участников отряда, дополненных документацией МИКНСДВ.

Систематическое изучение русских Алтая сибирскими этнографами началось с 1977 г., когда под руководством Лидии Михайловны Русаковой (рис. 1) стал работать АЭО. В это время советским этнографам стало возможным перейти от изучения социалистического быта народов СССР к изучению их традиционной культуры. Основной целью экспедиций АЭО был сбор экспонатов для организованного академиком А.П. Окладниковым в 1968 г. МИКНСДВ ИИФиФ СО АН СССР. По идее основателя экспозиции музея должны были показать истоки и преемственность археологических культур и этнографической современности [10]. Изучение этнографии коренных народов Сибири к 1970-м гг. шло полным ходом [5], а собиранье и изучение предметов материальной культуры русских старожилов Алтая, видимо, должно было завершить оформление экспозиции музея и исследовательских направлений, существовавших в институте. А.П. Окладников хорошо знал потенциал этнографического изучения Алтая, поскольку археографы ИИФиФ – Н.Н. Покровский, Е.И. Дергачева-Скоп, Е.К. Ромадановская, с 1968 г. сдавали предметы, привезенные ими из экспедиций по Алтаю, судя по документации МИКНСДВ. Был знаком академик и с экспедиционной деятельностью Бийского краеведческого музея (далее – БКМ), поскольку дружил с его директором Б.Х. Кадиковым.

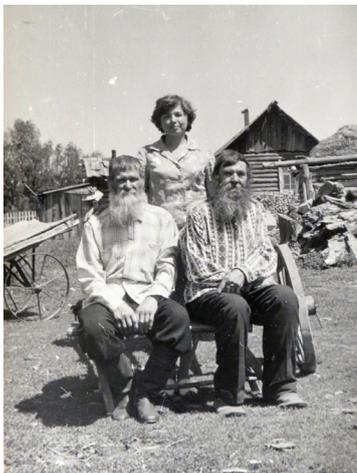

Рис. 1. Л.М. Русакова с информантами, с. Березовка Усть-Коксинского района, 1981 г. МИКНСДВ ИАЭТ СО РАН. Коллекция «Русские». Папка 292-603

Полевые материалы Л.М. Русаковой, включая 12 полевых дневников участников АЭО за 1977–1985 гг., хранятся в коллекции «Русские» МИКНСДВ (после разделения ИИФиФ в 2001 г.

музей стал структурным подразделением Института археологии и этнографии СО РАН, далее – ИАЭТ СО РАН). 10 из них принадлежали самой Л.М. Русаковой [11–20], а 2 студенткам НГУ – И. Макаровой [21] и Г. Вожаевой [22]. Копии трех дневников Л.М. Русаковой [13–15] размещены на сайте проекта «Открытый архив СО РАН». 10 дневников являются «фирменными» записными книжками, изготовленными специально для сотрудников АН СССР, на твердом переплете которых напечатано: «Академия наук СССР» и «Полевой дневник». Наличие такого дневника демонстрировало статус исследователей, принадлежность к академической науке, материальное обеспечение со стороны государства.

Имеющиеся в дневниках данные о времени, месте и составе участников экспедиций АЭО были сведены в таблицу и опубликованы [23, с. 207], однако приведенная в них информация не является исчерпывающей и нуждается в сопоставлении с данными других источников. Экспедиции Л.М. Русаковой в 1983 и 1985 гг. не проводились, поскольку дневник 1983 г. отсутствует, а 1984–1985 гг. содержит описания предметов из музеев Восточно-Казахстанской области (далее – ВКО) Казахской ССР.

В АЭО начинали свой научный путь выдающиеся сибирские этнографы – заведующая Отделом этнографии ИАЭТ СО РАН Е.Ф. Фурсова и старший научный сотрудник ИАЭТ СО РАН Г.В. Любимова, а также директор Искитимского историко-художественного музея – Г.В. Вожаева. Е.Ф. Фурсова участвовала в экспедициях, учась в аспирантуре института, Г.В. Любимова, И.Г. Макарова (рис. 2) и Г.В. Вожаева (рис. 3) были студентками НГУ. Еще в дневниках упоминаются Н.Н. Попова, А. Сидорова, Кедрова и безымянная художница-студентка.

Рис. 2. И.Г. Макарова с полотенцем. МИКНСДВ ИАЭТ СО РАН. Коллекция «Русские». Папка 292-603

Рис. 3. Г.В. Вожаева в полевом лагере.
МИКНСДВ ИАЭТ СО РАН. Коллекция «Русские».
Папка 292-603

Нацеленность экспедиции АЭО на сбор предметов традиционной культуры русских старожилов Алтая для МИКНСДВ подтверждается ее участницами [24–25] и содержанием полевых дневников. Это определяло выбор Л.М. Русаковой районов Алтая, где проживали русские старожилы, поляки, кержаки, казаки и т. д. По воспоминаниям Е.Ф. Фурсовой: «Лидия Михайловна читала литературу... она защищала кандидатскую... по отечественной истории... Она, значит, хотела к полякам почему, потому что группа уже была известна, группа была на слуху. Известно, что туда ездила Шангина Изабелла Иосифовна до нас, Липинская Виктория Анатольевна» [24]. С 1977 по 1984 г. отряд обследовал в Алтайском крае (далее – А.К.) села Солонешенского, Советского, Змеиногорского, Чарышского, Каменского районов, г. Камень-на-Оби; в Горно-Алтайской автономной области (далее – ГААО) – села Усть-Канского и Усть-Коксинского районов, а также примыкающую к ним часть ВКО – села Большеарымского, Глубоковского, Катон-Карагайского, Зырянского, Лениногорского, Шемонаихинского районов, города Серебрянск, Усть-Каменогорск и Зырянск. География работы АЭО приводит к выводу, что территориальные рамки Алтая определялись новосибирскими исследователями в исторических границах Алтайского горного округа, исходя из процесса формирования русского старожильческого населения.

Выезду АЭО в районы предшествовала подготовка к «вхождению в поле», сбор информации о селах и потенциальных информантах в музеях и библиотеках. На первых страницах дневника 1977 г. записано: «Беседа с Б.Х. Кадиковым», затем

перечислены села А.К. и ГААО с указанием возможных информантов и описанием хранящихся у них предметов. Далее идет краткая справка о старообрядцах, проживающих в селах, и выписки сел с информантами, описанием предметов из книги поступлений БКМ, «МНИ» (Музея народного искусства, Москва – Е. К.), альбомов «Народный орнамент Алтайского края. Альбом зарисовок» и «Русское декоративно-прикладное искусство на Алтае. Альбом фотоснимков» [11], сделанных экспедицией Н.И. Каплан в 1955–1956 гг. и хранящихся в библиотеке НИИ художественной промышленности. В 1979 г. экспедиция началась с посещения Восточно-Казахстанского областного музея в г. Усть-Каменогорске, директор которого Г.А. Щербик познакомила участников АЭО с последними «сборами» в Зырянском районе, с выставкой старинных полотенец [14]. В 1980 этнографы работали в Зырянском музее [9], в 1981 г. – в «ВКЭМ» (Восточно-Казахстанский этнографический музей, с. Бутаково – Е. К.) [17], в 1984 г. – в музее Камня-на-Оби [19]. Л.М. Русакова в своей монографии отметила важность работы в музеях, выразив благодарность сотрудникам данных учреждений [26, с. 8].

В дневниках первых лет рядом с данными информанта встречаются пометки о получении сведений о них от коллег, работавших на Алтае: «от Кадикова»; «от Каплан» [12]; «был у нее Покровский» [11]. В дневник 1978 г. вложена инструкция по приобретению старопечатных книг и рукописей – лист бумаги, исписанный названиями книг с указанием отличительных признаков и стоимости в зависимости от века их создания. На последней странице листа запись об археографической экспедиции: «с. Коробиха (были 5–6 лет назад... оставлены 1,5–2 дес. книг)»; далее список владельцев книг и вещей с краткой характеристикой [14]. В другом дневнике сохранился листок с текстом: «Умерла (сбоку) д. Согорное Большеарымского р-на Вост. Каз. обл. Томилова (Маслова) Ульяна Тимофеевна 1915 г. р. [экспедиция 1969 г. Сениной В.Я.]» [8]. Фотографии, сделанные в экспедициях БКМ 1966 г. с участием В.Я. Сениной, были обнаружены в МИКНСДВ в коллекции Л.М. Русаковой. Это наталкивает на мысль, что существовала передача «явок и паролей» младшему поколению исследователей от старшего, таким образом складывалась своеобразная сеть сел, куда совершали паломничество этнографы за «настоящей» традиционной культурой русских сибиряков и «знающих/профессиональных» информантов. Важную роль в этом играл А.П. Окладников, имевший дружеские отношения с Б.Х. Кадиковым и другими исследователями.

В качестве «этнографии» сибирские исследователи 1970–1980-х гг. рассматривали преимущественно вещи и традиции, бытовавшие до начала XX в., поэтому и информантов старались выбирать по принципу – чем старше, тем лучше: «Когда, вот, мы ездили, я еще, вот, в составе Фирса Федосовича и Лидии Михайловны, мы быстренько всегда записывали: кто тут вот такой пожилой, да?! Чтобы вот такой архаик, мы искали архаиков. Вот сейчас я это так не делаю... В то время, значит, мы, вот, искали все-таки архаику и старались найти эту архаику... Это было то время, когда нам мешками иконы приносили» [24]; «Мы искали старину, вот чтобы было чем... чем бабушка древнее, тем лучше» [25]. Но были и исключения, видимо, отражавшие трансформацию традиции, так у М.К. Пушкаревой был приобретен коврик, «сотканный недавно, научилась ткать на кроснах у соседки лет 10 назад, узор взяла из журнала Крестьянка за 1975 или 1976 г.» [11].

Работа в селе АЭО начиналась с установления контакта с местной администрацией и милицией, о чем свидетельствуют полевые записи. Этому способствовало правило «отмечать командировку: «Усть-Кокса. Отметка в райисполкоме. Телеграмма в институт о начале работы» [16]. Указаны данные председателей райисполкомов, сельсоветов, после которых идут списки жителей сел, полученные в администрации, с различными ремарками. Этнографы тоже могли быть полезны, так во время экспедиции 1979 г. Л.М. Русакова проводила лекцию от общества «Знание» в Исполкоме Зырянского горсовета на тему «Искусство русских крестьян Сибири в дореволюционный период», о чем свидетельствует путевка, сохранившаяся в полевом дневнике [13]. В целом, при организации работы на местах опирались на сельскую интеллигенцию – учителей, библиотекарей, журналистов, краеведов. Они обладали информацией и могли разделять интересы этнографов: «Николай Григорьевич Сидоркин – учитель истории, пенсионер, с. Солонешное, занимался историей ближних сел» [11]; «Усть-Кумир учительница... собирает этнографию, есть очень интересные вещи!» [12].

Искали информантов и методом «снежного кома», получая сведения о потенциальных информантах от уже опрошенных. В дневниках указаны данные информантов не только в селах, но и городах – Бийске, Новосибирске. При выстраивании коммуникации с собеседниками исследователи делились запланированным маршрутом экспедиции и становились каналом связи с родными, о чем говорят записи дневников: «Передать привет Степаниде Поплиновне Бочкаревой от двоюродных сестер»; «Привет от сына Петра Павловича Пушкарева» [12]. Это обеспечивало этнографам

«вход в поле» как «своих». Демонстрировалась заинтересованность в долгосрочной коммуникации с информантами посредством обещания ответных даров, что фиксировалось в дневниках: «Выслать фото у забора» [17]; «Выслать ниток “ириса” жаркога желт., красн., розов.»; «Батарейки для транзистора 6 шт.» [12]; «Выслать “Историю крестьянства”» [18]. Таким образом, исследователи воспринимались как люди из города, обладающие доступом к дефицитным для села ресурсам.

У каждого из участников экспедиции были личные задачи: Е.Ф. Фурсова училась в аспирантуре ИИФиФ и собирала материал об одежде для кандидатской диссертации [24; 26]; Г.В. Любимова, как и другие студентки НГУ, готовилась к написанию дипломной работы по календарной обрядности [25]. Сама Л.М. Русакова, судя по содержанию дневников, интересовалась орнаментальными мотивами, изображенными на предметах материальной культуры. В результате этнографом была опубликована монография о традиционном изобразительном искусстве [27]. Постепенно приоритетность сбора экспонатов для МИКНСДВ отошла на второй план, т. к. экспозиция со временем была наполнена [24] и в дневниках 1982, 1984 гг. встречается уже гораздо меньше упоминаний о сборе вещей, чем в предыдущие годы [18–19].

Основными методами, которыми пользовались этнографы, были фиксация вещественных материалов и опрос. Это исходило из генеральной цели экспедиций АЭО, большая часть текста полевых дневников касается описания предметов материальной культуры, прежде всего приобретенных, их внешнего вида, истории появления, технологии изготовления, бытования и т. д.: «Опояска – 33 нитки... Браная гарусом. Основа покупные нитки “юрок”, скрученные вдвое. Ткала Евд. Ив-на, когда ей было 22-23... А узоры для полотенец брали с “гумажек” (узоры напечатаны были в книжках)» [12]. В некоторых историях присутствует социально-культурный контекст создания вещи, жизни мастера: «Поваренка пельменная из лыка кустарника – “гороховника”. Изготовлена свекром – Чечулиным Филимоном Евтефеевичем (рожд. ок. 1880 г.). Изготовлена в 30-е г. Чечулин был слепым, с 7 лет кормился изготовлением вещей из лыка (корзинки, “поварены” и т. п.)» [12]. Мог раскрываться обрядовый контекст создания вещи: «Вожжи свадебные. Ткала Татьяна Евстегнеевна Мальцева. Ткала вожжи к свадьбе дочери (в 20-х гг.)»; «Были 4 красивых стеновых полотенец, я похоронила в них дочь (14 лет), бабушку и няньку» [12]. Эта информация была важна, чтобы вписать предмет в контекст

традиционной культуры. Особенностью изучения традиционной одежды была фиксация способов ее кроя и выполнения швов: «Значит бабушка должна была показать... как вообще из куска ткани она все это раскраивает... технология шитья тоже я просила, название швов вот этих тоже стежки, название стежков» [24]. Дневники также дают нам информацию об основании приобретения вещей, мог быть дар, покупка или обмен.

В полевых дневниках описания текстиля, долевой росписи, прялок, наличников и т. п. часто сопровождалась рисунками их элементов и орнаментов, выполненных шариковой ручкой, цветными карандашами или фломастерами. Что касается использования АЭО технических средств для фиксации этнографического материала, то с самой первой экспедиции делались фотографии вещей на цветную или черно-белую пленку, порядковый номер кадра указывался в полевом дневнике. С 1984 г. стали практиковать запись интервью на магнитофонную пленку и делать об этом пометки в полевом дневнике [19]. Но техника могла подвести, поэтому информация дублировалась по возможности на бумаге: «Снимаешь, снимаешь, пленку проявил всё чернота. Ну и куда это всё годится то... Поэтому мы много рисовали и у каждого был свой дневник. Я себе значит записывала, зарисовывала ну то, что успевала... Нам дали какие-то, знаете, еще времен Великой Отечественной войны вот эти диктофоны пленочные и его без конца клинило. Какой самый интересный момент, она петь начала, да, а у меня заклинило и все, я стараюсь – пишу» [24]. В составе экспедиции были художницы, их рисунки одежды хранятся в МИКНСДВ, в коллекции Л.М. Русаковой (см. рис. 4).

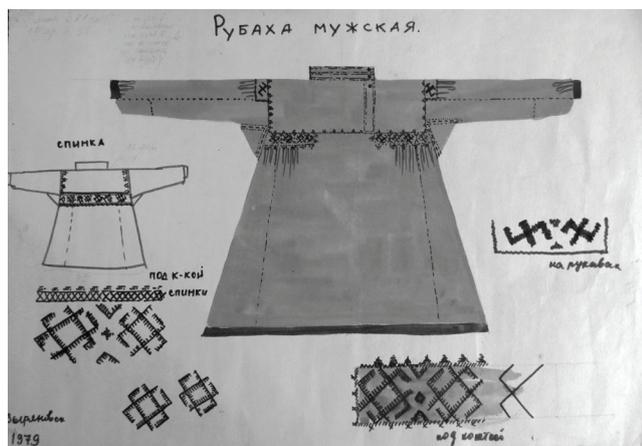

Рис. 4. Рисунок мужской рубашки, п. Зырянск, ВКО, 1979 г. МИКНСДВ ИАЭТ СО РАН. Коллекция «Русские»

В дневниках Л.М. Русаковой есть сюжеты, которые не вписываются в основную цель работы АЭО. Видимо, они были продиктованы ее интересом как историка-крестьяноведа, перешедшего в этнографы. За два года до первой экспедиции она защитила кандидатскую диссертацию по теме «Сельское хозяйство Среднего Зауралья в последней четверти XVIII – первой четверти XIX в.» [28] и опубликовала монографию [29]. Ряд сюжетов приближен к направлениям, которые сегодня называют «устная история» и «история повседневности» – воспоминания о Гражданской войне, коллективизации, раскулачивании, колхозной жизни, бытовые зарисовки: «Ничего не сохранилось (из старинных вещей – Е. К.). В колхоз, дураки, не вступали. Хлеба не было, носить было нечего. У меня были трубы скатертей, все обменяли на хлеб. А считали почему-то за грех вступать в колхоз» [12]. В описанном случае тема коллективизации возникла из разговора о собираемых вещах и отразила подробности социально-экономического положения семьи и религиозных запретов старообрядцев. Есть записи о работе с письменными источниками, школьным альбомом «Суховцы», районной газетой «Горные зори» [11]. В некоторых случаях уделено внимание истории и современному развитию сел, например, описана история с. Топольное Солонешенского района, его социально-экономическое состояние, в частности добыча золота, размер зарплаток рабочих, количество жителей с высшим образованием и т. д. [11].

Участники АЭО уделяли много внимания определению этнокультурной принадлежности информанта и полученных от него вещей: «Была главная проблема – идентифицировать, у кого собирать материал?! То есть, начинаем докапываться, вот человек может все рассказать, традиции и цены ему не было, если он рассказывал нам откуда его прадеды, так сказать свою историю, своей семьи» [24]. В полевых дневниках фиксировались фамилия, имя и отчество информанта, его родителей, история семьи, место рождения и т. д.: «Отец был местный, а мама – из Ка..чи. Отец прожил 120 лет. Дедушка и бабушка были Уймонские. Мать отца была алтайка (“из инородцев”）」 [12]. Это придает большой информационный потенциал полевым дневникам для дальнейшего анализа родственных связей, миграций, брачных кругов и т. д. Возраст или год рождения информанта обычно указан и служит отправной точкой для установления времени создания вещи: «Полотенце... вышивала соседка, 83 г. сейчас, вышивала, когда была девчонкой» [11]. В дневнике Л.М. Русаковой 1978 г. есть инструкция для опи-

сания предметов, в которой перечислены обязательные пункты, указаны особенности описания орнамента и прыжки [13].

При оформлении речи информанта в полевой дневник часть терминов заключалась в кавычки – «ладила», «рукотерт», «холодай» и т. д. Видимо, фиксацию диалектных слов исследователи считали важной сделать дословно, а остальной текст мог быть записан от лица собирателя. Что касается песенного фольклора, то встречаются как списки названий: «Ой сады, мои сады», «Свадебная», «Ой ты ворон» и др., так и полные тексты песен: «Я ленок», «Родилася я как в поле былинка», «Как по морю» и др.

Данных, полученных непосредственно методом наблюдения, в дневниках зафиксировалось мало, например характеристика санитарно-социальной обстановки: «В доме жуткая грязь, мухи, нищета» [12]; сельская повседневность: «Мать ходит в старых сарафанах... До сих пор старые обряды» [13]; личностно-социальные характеристики информантов: «Табак курит, водочку пьет. Может книги отдать», «Все пропила» [11], «Грамотная, читает книги, которых у нее много, добрая, отзывчивая, ткет опояски сама, наставница (помощница наставника)» [12], «Хорошо поет» [19]; «Жадная: тюрюк не дам – спалю, дров-то мало. А во дворе – штабеля берез. поленниц» [19]; впечатление от сел: «Черемшанка – село кержацкое. Самые доброжелательные люди – учителя. Бывший председатель сельсовета хорошо всех знает» [11].

С опорой на полевые дневники и воспоминания участниц АЭО удалось реконструировать ряд практик экспедиционного быта. Большая часть экспедиций передвигалась на автомашине ИИФиФ, выезжая из Новосибирска. В 1979 г. до Усть-Каменогорска добирались на самолете, до Зырянска – на поезде. Между населенными пунктами передвигались на рейсовых автобусах или другом местном транспорте, могли разделяться на группы: «В Баяновске встретила Лену и Таню, которые закончили работу. Все вместе пошли обратно на автобус. Долго ждали и уехали на милицкой машине» [15]; «Список составляли и распределяли: так, ты идешь к этому, ты идешь сюда. Этот вот соседнее село, значит вы туда дуйте. Я со студенткой пошла вот дуть значит в Баяновку эту. Вот, набрали сарафанов, кстати, рюкзаки. Все же на себе таскали и идем по дороге» [24]. В полевых дневниках Л.М. Русаковой мало встречается сведений об условиях проживания и питания, лишь редкие пометки – «ночевали, баня» [17]; «гостиница “Обь” Корнилово» [19]; списки расходов:

гостиница, баня, ракета, такси [14]; мед, масло и соль [13]. По воспоминаниям, бытовые условия были разные, могли ночевать в палатках и варить «баланду» на «таганке», жить в школах, очень редко в гостиницах, питаться в столовых или поселиться в доме у «бабушки», которая «кормила» и «поила», спать на полу «штабелями» по 5–6 человек. Последний вариант был самым комфортным и безопасным, гарантировавшим возможность помыться в бане, что для группы женщин было очень важным. Не обходилось без женских и мужских рисков в виде внимания противоположного пола к молодым, привлекательным этнографиням и интереса экспедиционного шофера к спиртным напиткам [24–25].

Судя по дневникам Л.М. Русаковой, в которых обнаружены тексты бардовских песен Б. Окуджавы, Ю. Кима, М. Цветаевой и других авторов [12, 17], в экспедиционной повседневности не обходилось без романтики. Это также свидетельствует о эмоциональности/романтичности личности руководителя АЭО, как встречающиеся между страниц дневников засушенные листья, травинки, полевые цветы. Поскольку упоминаний данных растений в тексте документов не обнаружено, то говорить о сборе этнографом гербария по теме народной ботаники или медицины не приходится.

Можно выделить в работе АЭО под руководством Л.М. Русаковой два периода: 1) 1977–1981 – время целенаправленного сбора предметов материальной культуры русских старожилов Алтая для МИКНСДВ, практического знакомства с полевой работой и этнокультурным ландшафтом региона и сбора первичной информации о перспективах дальнейшего исследования; 2) 1982, 1984 – этап сбора информации по теме материальной культуры русских Алтая, преимущественно текстилю, одежде и традиционному изобразительному искусству, что было связано с научными интересами Л.М. Русаковой и Е.Ф. Фурсовой. На рубеже 1970–1980-х гг. отряд стал кузницей кадров новосибирского центра этнографии, специалистов по русским Сибири. Он давал возможность студентам исторического факультета НГУ специализироваться по этнографии.

Автор выражает искреннюю признательность за интервью участницам АЭО, Е.Ф. Фурсовой, доктору исторических наук, доценту, ведущему научному сотруднику, заведующей Отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН, и Г.В. Любимовой, кандидату исторических наук, старшему научному сотруднику Института археологии и этнографии СО РАН.

Список источников

1. Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики: кол. монография / М. Ю. Мартынова и др. М., 2022. 556 с.
2. Томилов Н. А. Периодизация этнографического сибиреведения и истории этнографических центров в Сибири // Проблемы общей и региональной этнографии (к 75-летию А. М. Решетова): сборник статей. СПб., 2007. С. 110–120.
3. Октябрьская И. В. Новосибирский центр этнографии: история и современность // Этнография. 2018. № 1. С. 195–211.
4. Фурсова Е. Ф. Становление и развитие отдела этнографии в Новосибирском научном центре (1960–2000-е гг.) // Культурологический сборник: исследования по культуре Западной Сибири и Северного Казахстана. К 25-летию Сибирского филиала Института Наследия. М., 2019. С. 53–61.
5. Алексеев Н. А., Гемуев И. Н. А. П. Окладников и этнография Сибири // Сибирь в панораме тысячелетий. Т. 2. Новосибирск, 1998. С. 7–11.
6. Васеха М. В., Жигунова М. А. Этнография – это наука о том, что историю можно и нужно «мерить сарафанами» // Вестник антропологии. 2021. № 2. С. 365–372.
7. Бауло А. В., Тучкова Н. А. «Так получилось...»: офицер, кочегар, профессор (к 80-летию со дня рождения И. Н. Гемуева) // Этнография. 2022. № 3 (17). С. 274–290.
8. Ковальчук Ю. С. Коллекция тканых поясов русских в Музее истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН // Народный костюм в Сибири. Новосибирск, 2017. С. 39–41.
9. Ковальчук Ю. С. Этнографическая коллекция Л. М. Русаковой в музее истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2013. Т. 19. С. 464–467.
10. Молодин В. И., Сальникова И. В. Академический музей и высшая школа (на примере музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока) // Академические и вузовские музеи: роль и место в научно-образовательном процессе: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Томск, 2009. С. 235–240.
11. МИКНСДВ ИАЭТ СО РАН. Коллекция «Русские». Полевой дневник Русаковой Л. М. 1977. №1.
12. МИКНСДВ ИАЭТ СО РАН. Коллекция «Русские». Полевой дневник Русаковой Л. М. 1977. №2.
13. МИКНСДВ ИАЭТ СО РАН. Коллекция «Русские». Полевой дневник Русаковой Л. М. 1978.
14. МИКНСДВ ИАЭТ СО РАН. Коллекция «Русские». Полевой дневник Русаковой Л. М. 1979. №1.
15. МИКНСДВ ИАЭТ СО РАН. Коллекция «Русские». Полевой дневник Русаковой Л. М. 1979. №2.
16. МИКНСДВ ИАЭТ СО РАН. Коллекция «Русские». Полевой дневник Русаковой Л. М. 1980.
17. МИКНСДВ ИАЭТ СО РАН. Коллекция «Русские». Полевой дневник Русаковой Л. М. 1980, 1981.
18. МИКНСДВ ИАЭТ СО РАН. Коллекция «Русские». Полевой дневник Русаковой Л. М. 1982.
19. МИКНСДВ ИАЭТ СО РАН. Коллекция «Русские». Полевой дневник Русаковой Л. М. 1984.
20. МИКНСДВ ИАЭТ СО РАН. Коллекция «Русские». Полевой дневник Русаковой Л. М. 1984, 1985.
21. МИКНСДВ ИАЭТ СО РАН. Коллекция «Русские». Полевой дневник Макаровой И. 1978.
22. МИКНСДВ ИАЭТ СО РАН. Коллекция «Русские». Полевой дневник Вожаевой Г. 1980.
23. Коляскина Е. А. Экспедиции Алтайского этнографического отряда Института истории, философии и филологии Сибирского отделения Академии наук СССР в конце 1970-х – начале 1980-х годов (по полевым дневникам) // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2022 г. Вып. 17. Барнаул, 2022. С. 205–215.
24. Интервью Фурсовой Е. Ф. // Архив ЦУИИЭ АлтГПУ. Запись от 05.06.2021.
25. Интервью Любимовой Г. В. // Архив ЦУИИЭ АлтГПУ. Запись от 16.05.2022.
26. Фурсова Е. Ф. Одежда русского населения Алтая второй половины XIX – начала XX века: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1986. 230 с.
27. Русакова Л. М. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири. Новосибирск, 1989. 173 с.
28. Русакова Л. М. Сельское хозяйство Среднего Зауралья в последней четверти XVIII – первой четверти XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1975. 261 с.
29. Русакова Л. М. Сельское хозяйство Среднего Зауралья на рубеже XVIII–XIX вв. Новосибирск, 1976. 183 с.

Статья поступила в редакцию 26.12.2022; одобрена после рецензирования 19.01.2023; принята к публикации 22.01.2023.

The article was submitted 26.12.2022; approved after reviewing 19.01.2023; accepted for publication 22.01.2023.